ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ
В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН

Сборник статей
по материалам научно-практического онлайн-семинара,
посвященного 500-летнему юбилею
основания крепости Васильсурск в 1523 году

Нижний Новгород
Свияжск
2024

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)
П42

Рецензенты:
д-р ист. наук А. Е. Негин,
канд. ист. наук А. А. Сорокин

Редколлегия:
канд. ист. наук, мл. науч. сотр. ЛГИ НГУ Б. А. Илюшин,
археолог Е. В. Четвертаков

П42 Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. – Нижний Новгород; Свияжск, 2024. – 156 с., ил.

ISBN 978-5-4437-1714-2

В сборник вошли статьи археологов и историков, посвященные истории и культуре народов Поволжья в XV–XVI веках и представленные в виде докладов на научно-практическом онлайн-семинаре, 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году. Хронологические рамки определены спецификой периода московско-казанских войн. Сборник предназначается для археологов, историков, музейных работников, краеведов и широкий круг читателей, интересующихся археологическим наследием народов Российской Федерации.

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)

ISBN 978-5-4437-1714-2
DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2

© Коллектив авторов

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-2

С. К. Свечников

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В. М. Васильева, канд. ист. наук
svechnikov-sk@mail.ru

ВАСИЛЬГОРОД В ПЕРИОД РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН 1523–1552 гг.

Статья посвящена истории основания и первым годам существования Васильгорода (Васильсурска).

Ключевые слова: Васильгород, черемисы, Казанское ханство, русско-казанские войны, Василий III, Иван IV.

Васильгород (ныне Васильсурск) – первая крепость, основанная русскими на территории Казанского ханства. Возникновение этого форпоста было обусловлено острым московско-казанским противостоянием, резко усилившимся с началом правления на казанском престоле представителей крымской династии Гиреев.

Весной 1521 г. в Казанском ханстве вспыхнуло крупное восстание, направленное против московского протектората, плодами которого воспользовались сторонники сближения с Крымом. Вместо русского ставленника Шах-Али на престол был возведен брат крымского хана Мухаммед-Гирея – Сахиб-Гирей; в ходе восстания были ограблены и задержаны находившиеся в Казани русские купцы, а также убиты охранявшие хана Шах-Али и русского воеводу воины (Казанская…, 1954. С. 65; ПСРЛ. Т. 13. С. 37). В течение весны и лета 1521 г. казанские отряды совершили набеги на Унжу, Галич, Сухону, нижегородские, муромские и мещерские места (Кунцевич, 2021. С. 601–602; Нижегородский…, 1886. С. 31; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 518). По сведениям С. Герберштейна, в июле – августе 1521 г. Сахиб-Гирей со своим войском присоединился к опустошительному походу Мухаммеда-Гирея на Москву (Герберштейн, 1988. С. 175). В 1522 г. татаро-марийские войска разорили Галицкие волости, Парфеньево, Южню, русские селения в Поветлужье (Ветлужский…, 2017. С. 203; Кунцевич, 2021. С. 602). Несмотря на начавшиеся в конце 1522 – начале 1523 гг. переговоры (Сборник…, 1877. С. 667), весной 1523 г. Сахиб-Гирей «в Казани много зла християнству навел и кровь пролия, яко воду, и посланника великого князя Василья Юрьевичя Поджегина уби» (ПСРЛ. Т. 13. С. 43).

События в Казани стали поводом для подготовки похода на Казань. Василий III, говоря словами Софийской II летописи, «сжалися ему о том, и пошед со своею братьею на второго своего мучителя, на царя Казаньского» (ПСРЛ. Т. 6. С. 264). «Первым мучителем» Василия III, очевидно, считался крымский хан, но в то время у московского великого князя не было достаточно сил, чтобы покорить Крымское ханство, за спиной которого к тому же стояла

Османская империя, поэтому он свои войска направил против более слабого неприятеля в лице казанского хана. К тому же великий князь Московский и всея Руси, носивший ещё и титул князя Болгарского, считал Казань своей вотчиной, а посмевших выступить против Москвы казанцев – «изменниками» (Сборник…, 1877. С. 617, 659). Внешнеполитическая обстановка накануне похода на Казань для Московского государства сложилась более чем благоприятная: в 1522 г. было заключено пятилетнее перемирие с Литвой, а Крым в начале 1523 г. был опустошён ногайскими войсками после безуспешной попытки крымского хана завоевать Астраханское ханство, причем на престол вместо убитого ногайцами Мухаммед-Гирея взошёл более миролюбивый Саадат-Гирей (Зимин, 1972. С. 250–252). Войска возглавил лично Василий III; перед выступлением в поход он даже составил новую духовную грамоту, где он прямо указал, что пишет её, «идучи на свое дело х Казани» (Духовные…, 1950. С. 415). Учитывая это, можно полагать, что в 1523 г. изначально планировалась операция с целью взятия Казани. 23 августа Василий III прибыл в Нижний Новгород, и здесь он принял решение отложить поход на Казань «для осени, поздно» (ПСРЛ. Т. 26. С. 312), т. е. из-за ранней осени и обещавшей быть ранней зимы (Илюшин, 2022. С. 145).

Возможно, дело было не только в погоде. Видимо, учитывая негативный опыт казанского похода 1506 г., закончившейся неудачей, в первую очередь, из-за серьезных проблем со снабжением войск (ближайший к Казани русский пункт снабжения находился в Нижнем Новгороде – на расстоянии в 405 км по Волге), московское руководство решило основать прямо на границе с ханством промежуточную базу для ведения дальнейших наступательных действий. «Под Казань» конные и судовые рати двинулись 27 августа. Василий III остался в Нижнем Новгороде, а номинальным руководителем операции был назначен его вассал касимовский хан Шах-Али. 1 сентября русские войска добрались до устья Суры и начали возводить там деревянную крепость «Василь град» (ПСРЛ. Т. 6. С. 264; ПСРЛ. Т. 8. С. 270; ПСРЛ. Т. 13. С. 43–44). Согласно Вологодско-Пермской летописи, непосредственную ответственность за строительство нового города возложили на князя Михаила Юрьевича Захарьина (ПСРЛ. Т. 26. С. 312), являвшегося, по словам С. Герберштейна, одним из главных советников Василия III (Герберштейн, 1988. С. 176). Основная часть войск была направлена «воевати и пленити Казанские места» (ПСРЛ. Т. 26. С. 312). По оценке Б. А. Илюшина, «почти все воеводы обеих ратей имели большой или очень большой опыт командования полками и высокий местнический статус», что «свидетельствует в пользу версии о первоначально иных планах, нежели только основание острога» (Илюшин, 2021. С. 202).

Судовая и конная рати, прежде всего, должны были прикрывать строительство крепости в устье Суры. Они своими действиями охватили обширную территорию на Горной

и Луговой стороне ханства вплоть до окрестностей Казани, «ходиша, воююще и жгуще врагов» (ПСРЛ. Т. 26. С. 312). Натиск русских войск был настолько мощным и решительным, что никакого серьезного сопротивления казанцы не смогли оказать. Правда, в ряде летописей говорится о сражении русских и казанских конных ратей на берегах Свияги на Отяковом (Итяковом) поле (Зимин, 1972. С. 253; ПСРЛ. Т. 34. С. 14). Однако Б. А. Илюшин вполне обоснованно подозревает ошибку в этих источниках, переносящих известное по многим летописям большое сражение 1524 года на Итяковом поле на год ранее (Илюшин, 2021. С. 207–208).

Воеводы не ограничились привычной тактикой опустошения вражеской территории. Ещё они «и Мордву, и Черемису Казаньскую за государя всеа Русии к шерти привели» (Тихомиров, 1979. С. 162), т. е. к Русскому государству была присоединена часть территории Казанского ханства. Учитывая то, что, согласно Русскому хронографу, воеводы «Казанские земли много плениша и до Цывили» (ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 519), к присяге великому князю Василию III в 1523 г. были приведены жители междуречья Суры и Цивиля – горные марийцы, мордва и, вероятно, чуваши. Также в летописях сообщается об уводе огромного черемисского полона (ПСРЛ. Т. 6. С. 264; ПСРЛ. Т. 8. С. 270; ПСРЛ. Т. 13. С. 44; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 519; ПСРЛ. Т. 26. С. 312; ПСРЛ. Т. 31. С. 127; ПСРЛ. Т. 34. С. 14).

Согласно некоторым преданиям, русский город в устье Суры был основан на месте марийской крепости (резиденции марийского князя) Цепель (Акцорин, 2000. С. 56–57; Атласкин, 2012; Демидов, 1884. С. 13–14; Кудрявцев, 1877. С. 6–8, 24, 86–87; Морохин, 1997. С. 71). Однако ещё в начале XX в. Н. Н. Оглоблин отметил, что название «Цепели» ранее носил пустырь с полянами на гребне горы в черте Васильсурска, где виднелись остатки рвов и валов бывшего русского острога (Оглоблин, 1912. С. 49–50). Ранее, в 1797 г., это место посетил А. Н. Радищев, оставив в своём дневнике такую запись: «Поутру ходил с офицером на верх горы; там видны остатки древнего укрепления, рвы неглубокие и вал заросший, также где были бойницы» (Радищев, 1952. С. 299). Можно с уверенностью утверждать, что топоним Цепели имеет не марийское, а русское происхождение. Согласно толковому словарю В. И. Даля, диалектное (владимиро-суздальское) слово «цепе́ль» означает «косарь, большой нож» (Даль. С. 590). Кроме того, в XVI в. в Березопольском стане Нижегородского уезда существовала русская деревня Цепелево (Акты служилых…, 2002 С. 258). С другой стороны, в словаре личных марийских имён подобный антропоним отсутствует (Черных, 1995). Необходимо также учитывать, что марийское название Васильсурска – не Цепель (или иное созвучное слово), а Шурдӹнг (Устье Суры). Кроме того, предания о Цепелях были распространены только среди русских жителей Васильсурска. Следовательно, с названием «Цепели» связана начальная история непосредственно самого Васильгорода (Васильсурска).

Также в центральной части этого населенного пункта не обнаружено археологических памятников, относимых к марийской культуре (правда, на территории Цепелей, ныне полностью занятой частными домовладениями, археологические раскопки не проводились).

Вместе с тем рядом с Васильсурском и на его окраинах сконцентрировано большое количество древностей, среди которых выявлен и исследован ряд средневековых марийских объектов, существовавших не позднее основания Васильгорода: 1) Васильсурское V городище («Репище») X–XIII вв. (Никитина, 2002. С. 43–44, 200; Николаенко, 2004. С. 187–188); 2) Васильсурский II могильник X–XIII вв. (Ефремова, Пузаткина, 2012; Николаенко, 2004. С. 188–189); 3) Барковское городище («Чертово городище», «Орла нер») руб. I–II тыс. н. э. (Архипов, Никитина, 1993. С. 26, 95; Никитин, 2009. С. 28; Оглоблин, 1906. С. 4–8); 4) Барковское селище XIII–XV вв. (Ефремова, 2017); 5) Красноселищенское селище XIII–XIV вв. (Никитин, 2009. С. 47–48; Никитина, 2000; Никитина, 2002. С. 50–52, 206). Кроме того, близ Васильсурска расположены объекты сакрального значения, почитаемые горными марийцами – Анненское озеро (Ананйäр), Супротивный ключ, Тюлеев (Гремячев) ключ. При этом Супротивный ключ был посвящен главному богу Кого Йымы (Большому Богу) (после христианизации марийцев – Йымын-Äтя (Богу-Отцу)) и являлся центральным культовым местом для всего правобережного марийского населения (Акцорин, 2000. С. 55–58; Оглоблин, 1906. С. 11–16). Таким образом, предания об основании Васильгорода на месте марийского поселения всё же имеют под собой реальную почву.

Скорее всего, в ходе возведения русской крепости в устье Суры в целях обеспечения безопасности вся прилегающая местность была полностью очищена от марийских поселений. Это следует из того, что такая практика была своеобразной нормой в ходе строительства русских городов-крепостей на территории завоеванного впоследствии Казанского ханства. Например, при возведении Козьмодемьянска в 1583 г. «татаровя и черемиса для тесноты русских людей от города отведены житьем за десять верст». Впоследствии воеводская администрация строго следила за тем, чтобы марийцы не строили свои дома, нарушая установленную дистанцию (Айплатов, Иванов, 2000. С. 73); даже гораздо позднее, в 1859 г., ближайшее к Козьмодемьянску марийское поселение (околодок Верхние Шелаболки) располагалось практически на таком же расстоянии – в 9 верстах от уездного города (Списки…, 1866. С. 29). В том же 1859 г. ближайшая к Васильсурску марийская деревня Крайняя Шешмара (Шешмары, Дмитриево) отстояла на 14 верст (Списки…, 1863. С. 71). Это может означать, что в 1523 г. воеводы создали зону безопасности вокруг Васильгорода радиусом около 15 км.

Саму крепость в 1523 г. построили за короткое время, возможно, в те же сроки (четыре недели), что и возведенный в 1551 г. в похожих обстоятельствах Свияжск. Согласно

Вологодско-Пермской летописи, «божьею помощию царское слово и дело исполнено вскоре» (ПСРЛ. Т. 26. С. 312); в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского и Отрывке летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку также указано, что «по великого князя слову въскоре город древян поставили» (ПСРЛ. Т. 6. С. 281; ПСРЛ. Т. 43. С. 216). Почти по всем свидетельствам крепость была построена из дерева. И. Н. Берсень-Беклемишев даже уничижительно прозвал Васильгород «лукном» (Акты, 1836. С. 144), т. е. сравнил его с корзиной, лукошком. Лишь в одном случае крепость на Суре названа каменной. Итальянский аристократ Р. Барберини, побывавший с частным визитом в России в 1564 г., написал: «Далее верстах во ста сорока за Нижним находится другая река, которая вливается здесь в Волгу, а течет с юга, и называется Сура (Szura), при устье которой стоит каменная крепость, именуемая Васильев-Новгород (Basilonugorod)» (Сказания…, 1843. С. 44). Скорее всего, здесь в тексте Барберини допустил ошибку, поскольку в предшествующей части сочинения встречается точно такой же фрагмент, но без упоминания о каменном укреплении (Сказания…, 1843. С. 12). То, что крепость в устье Суры была деревянной, доказывается и тем фактом, что она сгорела и простояла сравнительно недолго. Еще в 1623 г. русский купец Ф.А. Котов сообщал, что город Василь «был высок, на горе, да сожен» (Хожение…, 1958. С. 28). Побывавший в 1636 г. в этих местах А. Олеарий свидетельствовал: «Васильгород – небольшой городок или местечко; он построен всецело из деревянных домов, без стены кругом» (Олеарий, 2003 С. 312).

Вместе с тем Васильгород не был совсем уж маленькой крепостью. По описаниям середины XIX в., укрепление имело форму неправильного прямоугольника размером 284×207 саженей (Кудрявцев, 1877. С. 84), т.е. его площадь составляла около 25 га. Однако это были очертания не первоначального крепостного сооружения, а более поздней постройки. Известно, что в 1556 г. была произведена перестройка и перепланировка крепости с уменьшением её первоначальных размеров: «Василь-город переставлен, а убавлено его снизу, на горе учинен» (ПСРЛ. Т. 13. С. 273). По всей видимости, это было вызвано затоплением прибрежной части города. В. Ф. Кудрявцев даже пришёл к заключению, что «следов старой крепости не сохранилось; не сохранилось даже самое место, где стояла эта крепость; место крепости, равно церквей и зданий, находится теперь в водах Волги» (Кудрявцев, 1877. С. 97); позднее эту версию развили В. И. Рагозин, Н. А. Демидов, Н. Н. Оглоблин (Рагозин, 1881. С. 189–196; Демидов, 1884. С. 20–21; Оглоблин, 1912. С. 46–51). Считается, что крепость была переставлена именно на то самое место, которое известно под названием «Цепели» (Демидов, 1884. С. 20–21; Кудрявцев, 1881. С. 24, 86; Оглоблин, 1912. С. 49–50).

Летописное сообщение 1556 г. об убавлении Васильгорода позволяет полагать, что старая крепость имела больший масштаб. В пользу этого говорит и то огромное значение,

которое московское руководство придавало в 1523 г. строительству форпоста в устье Суры.

Символически такое отношение к ней отразилось в том, что город назвали именем самого великого князя Василия III. Кроме того, в «Нижегородском летописце» сообщается, что в Васильгороде была возведена церковь «во имя Пресвятыя Богородицы честнаго Покрова, да два придела: Архистратига Михаила и Николая Чудотворца» (Нижегородский…, 1886. С. 32). Название этого храма глубоко символично, ибо Богородица считалась покровительницей походов русских войск «на Болгары» еще во времена князей владимиро-суздальских Андрея Юрьевича Боголюбского (1157–1174) и Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1176–1212) (ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 352–353, 364, 390). Соответственно, архистратиг (архангел) Михаил в православной церкви почитается как покровитель и споборник «воинствующей Церкви» (Иванов, 2001. С. 473), а святитель Николай Чудотворец считается покровителем ратного дела (Успенский, 1982. С. 29–30). Также в 1523 г. в Васильгороде был оставлен крупный гарнизон во главе с воеводами А. И. Стригиным, В. М Салтыковым, М. И. Бакевым, «а с ними многия люди» (ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 519). Естественно, многочисленный гарнизон не мог разместиться в маленькой крепости.

Московское руководство возлагало на новое укрепление большие надежды. Митрополит Даниил полагал, что Василий III «тем деи городом всю землю Казанскую возмет» (Акты…, 1836. С. 144). В «памяти» русскому послу в Литве Г. Д. Загрязскому предписывалось говорить, что Василий III «велел город поставити того деля, чтоб ему ближе из того города с Казанью свое дело делати, людем бы его ближе ходити х Казани» (Сборник…, 1877. С. 682). Павел Йовий в 1525 г. со слов московского посла в Риме Дмитрия Герасимова записал: «Сто пятьдесят миль выше Казани при впадении реки Суры царствующий ныне Василий основал город Сурцик с той целью, чтобы устроить в этом пустынном месте надежное и безопасное пристанище с гостиницами и лавками для купцов и путников, которые ставят в известность ближайших порубежных начальников о татарских делах и движениях этого беспокойного племени» (Россия…, 1997. С. 273). Важное оборонительное значение Васильгорода отмечено в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского и Отрывке летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, где он значится как «от безбожных агарян затулие» (ПСРЛ. Т. 6. С. 281; ПСРЛ. Т. 43. С. 216).

Но были и негативные отзывы на возведение крепости на территории неприятеля. По словам митрополичьего дьяка Федора Жареного, дававшего в 1525 г. показания на следствии по делу Максима Грека, И. Н. Берсень-Беклемишев осуждал строительство Васильгорода на территории ханства: «Поставил на их стороне лукно, ино как ся с ними помирити? И поставити было город, ино было поставить на своей стороне, ино бе лзе миру быти» (Акты, 1836. С. 144).

Сигизмунд Герберштейн, возможно, с подачи ярославских князей, назвал Васильгород «источником многих бедствий» (Герберштейн, 1988. С. 33, 134).

В этих двух высказываниях имелось в виду дальнейшее обострение отношений между Москвой и Казанью из-за возведения русской крепости на территории ханства и присоединения к Русскому государству прилегающей территории – междуречья Суры и Цивиля. Одним из прямых следствий основания Васильгорода было нападение казанских войск на Галич 17 октября 1523 г.: «Приходили татарове под Галич, посады пожгли, а град Господь сохранил не врежен, и отъидоша» (ПСРЛ. Т. 6. С. 281–282; ПСРЛ. Т. 43. С. 216). Примерно в это же время, как полагает Б. А. Илюшин, черемисы действовали вблизи Мурома (Акты служилых…, 2008. С. 387; Илюшин, 2021. С. 214). Однако казанцы не смели атаковать непосредственно сам Васильгород, который, видимо, явно был им не по силам. Хан Сахиб-Гирей в конце 1523 г. в растерянности писал крымскому правителю Саадат-Гирею: «Нынеча княз великий московской поставил город на Суре на реке. А доставаючи подо мною моего юрта Казани. И ты б ко мне прислал пушек, и пищалей, и янычан, а не пришлеш ко мне пушек, и пищалей, и янычан, и мне противу московских воевод стояти не мочно» (Зайцев, 2004. С. 125).

Весной 1524 г. Сахиб-Гирей попытался заручиться поддержкой уже со стороны османского султана Сулеймана I Великолепного (1520–1566), объявив себя его вассалом. Абсолютное большинство исследователей истории международных отношений в Восточной Европе в первой половине XVI в., (А. Г. Бахтин, И. В. Зайцев, А. А. Зимин, А. Б. Кузнецов, Н. А. Смирнов, А. Л. Хорошкевич и др.), сошлось в твердом убеждении, что, по крайней мере, в 20-е гг. XVI в. Порта стремилась поддерживать мирные взаимоотношения с Русским государством. Провозглашение вассальной зависимости Казанского ханства от Османской империи являлось, можно сказать, пустословием. Как полагает И. В. Зайцев, идея объявления османского вассалитета Казани зародилась в Крыму среди желающих удержать Москву от вмешательства в казанские дела с помощью угроз ввязать в спор Османскую империю (Зайцев, 2004. С. 125). Василий III, зная, что османский султан занят войной с Венгерским королевством, проигнорировал этот демарш и направил в мае 1524 г. огромное войско на Казань. И всё же есть основания утверждать, что возведение русской крепости на казанском берегу Суры стало одним из триггеров, запустивших проникновение османского фактора в русско-казанские отношения.

Выходит, что строительство Васильгорода было неординарным шагом русского правительства, вызвавшим заметный внешнеполитический резонанс. Справедливую политико-правовую оценку этому действию дал швейцарский историк Андреас Каппелер. Он отметил, что, с одной стороны, его можно рассматривать как продолжение прежней традиции

расширять границы государства путём строительства крепостей на осваиваемой территории (например, ранее так появились в этом районе Нижний Новгород и Курмыш), с другой стороны, были нарушены традиционные правила «степной политики» (Steppenpolitik), т. е. вопреки господствовавшим на территории распавшейся империи Чингизидов негласным законам Василий III приступил к непосредственному присоединению территории бывшего золотоордынского улуса (Kappeler, 1982. S. 51).

Судя по приведённому выше тексту сочинения Павла Йовия, Василий III рассчитывал развивать в новом городе торговлю, создать из него «пристанище с гостиницами и лавками для купцов и путников» (Россия…, 1997. С. 273). Задуманное, по крайней мере, осуществить пытались. В пользу этого говорит, например, то, что в 26-м ящике описи Царского архива, составленной в 70-х гг. XVI в., хранились «списки обыскные о Сурском торге Ивашка Скрыпицына» (также в соседнем 27-м ящике лежали «списки – розпись людем по городу в Василегороде») (Описи…, 1960. С. 20). Очевидно, этот Сурский торг был учреждён в Васильгороде. В литературе встречаются предположения, что в 1525 г. Василий III попытался переместить международную ярмарку из Казани именно сюда (Демидов, 1884. С. 18; Каптерев, 1939. С. 112; Кудрявцев, 1877. С. 17–21; Марков, 1843. С. 9–10; Мельников, 1917. С. 6; и др.). Однако в источниках содержатся чёткие и недвусмысленные указания на то, что казанскую ярмарку перевели в Нижний Новгород (Герберштейн, 1988. С. 179; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 520; Тихомиров, 1979. С. 164). Очевидно, Василий III не видел резона переносить большую ярмарку из одного опасного для русских купцов места (Казани) в другое (город на самой границе с ханством). К тому же находившийся в относительной безопасности Нижний Новгород и без того являлся крупным центром торговли (Фехнер, 1956. С. 45–46). Следовательно, действовавшая в Васильгороде ярмарка («Сурский торг») была небольшой, имела местное значение, а останавливавшиеся здесь торговцы для московского руководства нужны были, прежде всего, как поставщики разведывательной информации «о татарских делах и движениях этого беспокойного племени» (Россия…, 1997. С. 273).

В исторической литературе преобладает мнение, что Васильгород был основан как база для наступления на Казань (А. А. Зимин, Б. А. Илюшин, А. Каппелер, Ю. А. Кизилов, Я. Пеленски, И. И. Смирнов, С. М. Соловьев и др.), часть исследователей (Г. И. Перетяткович, М. Г. Худяков) предположила, что возведение этого города продиктовано исключительно задачами оборонительного характера, ряд учёных (С. Х. Алишев, А. Г. Бахтин, М. К. Любавский, Н. Н. Фирсов) пришёл к выводу, что крепость на Суре мог в равной мере выполнять как оборонительные, так и наступательные функции (Бахтин, 2022. С. 232–233; Илюшин, 2021. С. 211–212; Свечников, 2014. С. 129–130). Такой разброс взглядов вызван, скорее всего, тем, что Васильгород не оправдал тех надежд, которые изначально возлагало на

нее московское руководство. Эта крепость, прежде всего, должна была служить опорным пунктом для войск, решающих задачу взятия Казани. Состоявшийся уже в следующем 1524 г. крупномасштабный поход показал, что форпост в устье Суры построен слишком далеко от Казани (238 км по Волге), и рассчитывать на него бесполезно. В частности, нагруженная в Нижнем Новгороде припасами флотилия И. Ф. Палецкого, стала лёгкой добычей черемис, устроивших две засады где-то между Васильгородом и Казанью (Герберштейн, 1988. С. 177–178). Примечательно, что в источниках нет ни единого упоминания о Васильгороде в связи с походами на Казань в 1524 и 1530 гг. По словам П. В. Чеченкова, в Васильгород назначались воеводы невысокого статуса; лишь с 1546/47 г. в условиях нового наступления на Казань статус назначаемых в Васильгород военачальников стал повышаться. Однако и в этот период опорой наступательной политики Ивана IV оставался Нижний Новгород (Чеченков, 2013. С. 11–13). Впервые о Васильгороде как базе снабжения сообщается под 1549 г. в разрядных книгах. При этом (возможно, из-за слишком больших объемов припасов) «казанского запасу берегли» на в самой крепости, а «за городом» (Разрядная книга 1475–1598, 1966. С. 123–124; Разрядная книга 1475–1605, 1977. С. 356). Не исключено, что эти запасы хранились в складских помещениях Сурского торга. Зимой 1549/50 г. состоялся очередной поход русских войск на Казань, который вновь оказался безуспешным во многом из-за оторванности от баз. После этого похода, как известно, было принято решение основать крепость в непосредственной близости к Казани – Свияжск (ПСРЛ. Т. 13. С. 158–160). Так Васильгород утратил даже номинальный статус передового русского укрепления в казанском направлении.

Васильгород не проявил себя и в качестве оборонительного форпоста. Казанские войска обходили его стороной; в источниках нет ни единого упоминания нападения на него. Васильгорода нет и в приведенных в Никоновской летописи списке городов, опустошённых казанцами в 1535–1545 гг. (ПСРЛ. Т. 13. С. 129). Такая ситуация могла быть вызвана двумя причинами: 1) казанцы считали крепость неприступной, поэтому не пытались атаковать ее; 2) местное население (марийцы, мордва, чуваши, татары) видело для себя в Васильгороде больше пользы, чем вреда. Первый из указанных факторов можно не принимать во внимание, учитывая, что казанцы в то же время нападали на не менее или даже более крупные русские города-крепости – Нижний Новгород, Муром, Устюг, Галич и др. А вот на второй причине следует остановиться особо.

С первых лет своего существования Васильгород представлял собой далеко выдвинутый в сторону Казани анклав: от территории Русского государства с севера, запада и юга он был отделён Волгой и Сурой, а с востока подступали владения казанского хана. Даже в наши дни Васильсурск из-за особенностей географического положения называют «Нижегородским островом». Будучи запертыми со всех сторон, горожане во главе с воеводами

были вынуждены выстраивать гибкие взаимоотношения с соседями, прежде всего, горными марийцами.

С одной стороны, Василий III распорядился ту часть марийцев, которая представляла наибольшую опасность («по подозрению в преступной измене»), депортировать на запад, к литовской границе (Герберштейн, 1988. С. 164). Остальных, как было уже указано выше, привели к присяге великому князю. С другой стороны, принимались меры, направленные на завоевание лояльности местного населения.

Во взаимоотношениях между васильгородцами и горными марийцами большую роль играл учреждённый Василием III Сурский торг. Происходил он, возможно, в районе современного села (бывшей слободы) Хмелёвки близ Васильгорода. Известно, что в XVIII – начале XX вв. на ярмарку в Хмелёвке накануне и в День Усекновения главы Иоанна Крестителя («Постителя») (29 августа (11 сентября по нов. ст.)) прибывало много горных марийцев после паломнического посещения ими священного Супротивного ключа (этот ключ почитало и местное русское население) (Кудрявцев, 1877. С. 70; Оглоблин, 1906. С. 16). Также в самой Хмелёвке находилась церковь, которую в основном посещали крещёные марийцы, чтобы поставить две спирально перевитые между собой свечи к иконе мученика Христофора Ликийского, изображенного с конской головой (Кудрявцев, 1877. С. 92). Почитание этого зооморфного образа, очевидно, связано с древним марийским культом коня. Все эти синкретические элементы могли возникнуть вследствие русско-марийской конвергенции, одним из главных условий которой являются длительные мирные межэтнические взаимоотношения.

На Сурском торге активно взаимодействовали русские, марийцы, мордвины, чуваши, татары, иностранные купцы, укреплялись хозяйственно-экономические связи, осуществлялся культурный обмен и, что самое главное, происходил обмен информацией. Так русские узнавали о положении дел в Казанском ханстве, а казанцы – в Русском государстве.

Из Васильгорода велась пророссийская агитация, осуществлялся военный и политический зондаж (Чеченков, 2013. С. 9). Город в устье Суры стал притягательным центром если не для всех горных людей, то для её промосковской части. Не случайно именно горномарийский лужавуй (князь) Акпарс, чья территориальная сотня непосредственно примыкала к окрестностям этого русского форпоста (Иванов, 1995. С. 30–31), согласно преданиям, инициировал и организовал заключение союза горных марийцев с Иваном IV Грозным и вхождение в состав России.

Около Васильгорода несколько раз собирались сторонники сближения с Русским государством, чтобы поддержать те или иные действия Москвы. Ещё в 1531 г. казанские послы предлагали Василию III план переворота: они вместе с Шах-Али и освобожденными

казанскими пленными должны были добраться до Васильгорода, отправить оттуда грамоты в Казань, а также «к черемисе к горней и к луговой, к арским князем», чтобы поднять население ханства против хана Сафа-Гирея. Они уверяли великого князя, что «и только мы приедем в Василь-град и пошлем к ним грамоты, и те люди за нас станут». Правда, московское руководство стало действовать по более осторожному сценарию: 10 декабря 1531 г. Шах-Али вместе с казанскими послами были направлены в Нижний Новгород, а 20 декабря было дано указание отправить оттуда в Казань и «ко всей земле казанской» грамоты, написанные рукою бакши Ибрагима. В свою очередь, в Казани хотя и был совершён переворот весной 1532 г., но на освободившийся престол казанская знать пригласила не Шах-Али, а его 15-летнего брата Джан-Али (ПСРЛ. Т. 13. С. 55–57).

Зимой 1545/46 г. Сафа-Гирей был во второй раз свергнут, но на этот раз казанцы попросили направить к ним Шах-Али. В июне 1546 г. большая казанская делегация во главе с сеитом Беюрганом встретила Шах-Али в самом Васильгороде, «а берегом встречали царя с черемисою Исуп Аталыков, брат царю Шиг-Алею» (ПСРЛ. Т. 34. С. 27). Судя по приведённому отрывку, за крепостные стены Васильгорода могли попасть только представители казанской знати, а для местного горномарийского населения допуск был запрещён или строго ограничен. По крайней мере, известно, что во второй половине XVI – XVII вв. в Среднем Поволжье действовало правило, согласно которому представителям нерусского населения из соображения безопасности запрещалось въезжать в города без разрешения властей и оставаться там на ночь (Чернышев, 2020. С. 417).

В феврале 1547 г. состоялся поход «в казанские места» князя А. В. Горбатого «по челобитью горней черемисы и сотника Атачика с товарыщи, что оне похотели государю и великому князю служить и великого князя воевод встретить за Восилем городом и воеводами итить х Козани» (Разрядная книга 1475–1605, 1977. С. 330). Однако в походе не участвовал Шах-Али, как этого хотели горные марийцы. Те встретили воевод около Васильгорода, «и разведав то, что своево царя Шигалея нет, и оне поворотилися назад, а иную Черемису воеводу у себя оставили и к Москве привели» (ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 526). По всей видимости, воеводы не владели всей информацией о промосковских настроениях горных марийцев, проживавших близ Васильгорода: не доверяя им, не воспользовались их готовностью поддержать русские войска и даже депортировали часть местного населения (вероятно, в качестве заложников (аманатов)).

В целом во всех трёх рассмотренных случаях Васильгороду отводилась лишь пассивная роль приграничного поселения, контактной площадки, но не более того. Вместе с тем можно заметить, что этот русский город воспринимался казанцами в достаточно позитивном или же нейтральном ключе. Однако ни в коей мере не следует переоценивать степень добрососедских

отношений в это время между русскими и горными марийцами. Определенное напряжение в отношениях между ними всё же существовало. Об этом можно судить по марийским преданиям. Согласно одному из них, на рубеже казанских и русских земель – на Ӱарня кырык нер (Масленичной горе) в Красном Селище, что в 10 км от Васильгорода – горные марийцы устраивали масленичные игрища. Там юноши, прибывшие со всей горномарийской стороны, участвовали в 7-дневных физических состязаниях, проявляя свою силу, быстроту, меткость и другие качества, необходимые для воинов. За этими нарочито показательными выступлениями наблюдали русские из расположенной неподалеку заставы (Янтемир, 1927. С. 34–35).

Недавно Н. В. Белов в одном из своих статей опубликовал фрагмент нового источника – продолжения «Краткого Вологодско-Пермского летописца», где содержится уникальная информация о походе русских войск на Казань весной 1545 г. Как полагает автор статьи, данный текст был записан по рассказу непосредственного участника похода. В приведённом отрывке сообщается, что судовая рать князя С. И. Микулинского-Пункова отделилась от основной части войск, стоявших в Нижнем Новгороде, «утаився от всех воевод и всего войска», двинулась вниз по Волге. «И, недошед Василягорода Сурскаго, ухватиша языка татарскаго». От «языка» стало известно, что недавно хан Сафа-Гирей стоял «на Волге со всею силою татарскою, ждал воевод великого князя на брань». Ожидание, видимо, затянулось, и хан распорядился распустить своё войско, послав в целях разведки («отведывати: есть ли сила великого князя на Волге») из Казани «двора своего 30 стругов». Один из отправленных на этих стругах как раз и угодил в руки князя Микулинского в качестве «языка». Рать С. И. Микулинского-Пункова двинулась дальше и, встретив татарскую флотилию на 30 стругах, наголову ее разгромила. «И оттуду погребоша под Казань, и наехаша на Гостин остров, и ударишася на торговище, и много побиша их, и товар взяша» (Белов, 2023). В этом сообщении особый интерес вызывают два момента: 1) татарский «язык» (очевидно, это был воин из отборной ханской гвардии) смог попасть по Волге на русскую территорию, благополучно минуя Васильгород, важнейшей задачей которого был контроль волжского речного пути;

2) С. И. Микулинский-Пунков узнал о войсках хана, стоявших на Волге, только от татарского «языка», отсюда следует, что эта важная информация предварительно из Васильгорода в Нижний Новгород не поступала. Всё это показывает низкую эффективность Васильгорода как приграничного разведывательного пункта. Об этом пишет и Б. А. Илюшин, отмечая «безвестные» приходы татар к Мурому и Нижнему Новгороду (Илюшин, 2022. С. 185).

В дошедших до нас источниках известен только один случай, свидетельствующий о военно-разведывательной деятельности васильгородских воевод. Это их донесение от 20 декабря 1552 г. о том, что в районе устья Цивили «на Волге побили гонцов и гостей и боярьских людей з запасы луговые люди, да и горние с ними были» (ПСРЛ. Т. 13. С. 228). Считается, что с этого события началась Первая черемисская война 1552–1557 гг. (Бахтин, 2012. С. 333; Свечников, 2014. С. 232). Но вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что расследование данного происшествия поручили не василегородским воеводам, а свияжским (ПСРЛ. Т. 13. С. 228). Также мы не обнаруживаем каких-либо проявлений активности гарнизона Васильгорода в ходе подавления восстания горных людей весной–летом 1552 г. и в рамках Первой черемисской войны 1552–1557 гг., за исключением уже упомянутой выше перестройки города в 1556 г., в результате которой «убавлено его снизу» (ПСРЛ. Т. 13. С. 273).

Итак, мы видим не только отказ казанцев от агрессивных действий в отношении Васильгорода, но и исключительную пассивность васильгородцев в решении военных задач. Скорее всего, это было обусловлено опасением испортить отношения, сложившиеся между русскими горожанами и местным горномарийским населением. По большому счёту, строительство Васильгорода можно отнести к военно-стратегическим ошибкам московского руководства. Надежды на него как на опорный пункт наступления на Казань не оправдались, не стал он и надёжным оборонительным форпостом, васильгородская разведка оказалась неэффективной. Лишь отчасти Васильгород – благодаря Сурскому торгу – функционировал в качестве торговой фактории. Однако этот русский город выполнил важную миссию – способствовал формированию на территории Казанского ханства большой группы сочувствующих Русскому государству горных людей.

Список источников и литературы.

Айплатов Г. Н., Иванов А. Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья: По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда, 1625–1764 гг.: Исследование. Тексты документов. Йошкар-Ола, 2000. 463 с.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 3 / сост. А. В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. 680 с.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 4 / сост. А. В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2008. 632 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1: 1294–1598. СПб.: В Типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. 548 с.

Акцорин В. А. Прошлое марийского народа в его эпосе. Саров: Альфа, 2000. 88 с.

Атласкин А. А. Кто разрушил Цепель? // Васильсурск. Лики провинции. 2012. № 6. С. 3–5.

Бахтин А. Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. 660 с.

Бахтин А. Г. Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2022. 528 с.

Белов Н. В. «Они же собрашася, и поидоша Волгою…»: Казанский поход Семена Микулинского глазами русского воина XVI века // Московский журнал. История государства Российского. 2023. № 2 (386). С. 67–79.

Ветлужский летописец / сост. Н. В. Морохин. Кострома, 2017. 296 с.

Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: Р – V. СПб.; М.: Изд-е книготорговца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 704 с.

Демидов Н. А. Исторический очерк Василь-Сурского уезда Нижегородской губернии. Ниж. Новг.: Типография Ройского и Душина, 1884. 76 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV−XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.

Ефремова Д. Ю. Археологическое исследование древнемарийского Барковского селища (XIII–XV вв.): между Русью и Ордой // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 124–127.

Ефремова Д. Ю., Пузаткина Е. А. Опыт антропологического исследования захоронений на Васильсурском V городище (X–XIII вв.) // Филология и культура. Philology and culture. 2012. № 2 (28). С. 239–247.

Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.): очерки. М.: Рудомино, 2004. 215 с.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М: Мысль, 1972. 452 с.

Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. 368 с.

Иванов М. С. Архангел // Православная энциклопедия. Т. 3: Анфимий – Афанасий. М., 2001. 752 с.

Илюшин Б. А. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Логос-Пресс, 2021. 428 с.

Илюшин Б. А. Меж Казанью и Москвой. Нижегородский край в эпоху казанских и черемисских войн. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022. 350 с.

Казанская история / подгот. текста, вступит. статья и примеч. Г.Н. Моисеевой; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 196 с.

Каптерев Л. М. Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький: ОГИЗ Горьк. обл. изд-во, 1939. 184 с.

Кудрявцев В. Ф. Историческое описание города Василя Нижегородской губернии. Нижний Новгород: Типография Нижегородского губернского правления, 1877. 101 с.

Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. М.: Книга по требованию, 2021. 696 с.

Марков А. Обозрение торговли на Нижегородской ярмарке с 1521 по 1843 год. М.: Изд. книгопродавца В. Алексеева, 1843. 120 с.

Мельников А. П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки: Столетие Нижегородской ярмарки (1817–1917). Нижний Новгород, 1917. XVI, 288 с.

Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород: КиТиздат, 1997. 216 с.

Нижегородский летописец / работа А. С. Гацискаго. Нижний Новгород: Типография Губ. правления, 1886. XII, 144 с.

Никитин В. В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. 416 с.

Никитина Т. Б. Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье: сборник статей. Йошкар-Ола, 2000. С. 51–59.

Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам): Монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Николаенко Т. Д. Археологическая карта России: Нижегородская область. Ч. 1. М.: Институт археологии РАН, 2004. 384 с.

Оглоблин Н. Н. Черемисские городища и мольбища около города Василя // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете: 1906 год. Кн. 4. Т. 219. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1906. V. Смесь. С. 1–16.

Оглоблин Н. Н. Из Васильской старины // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник. Т. XII. Вып. II. Нижний Новгород: Типо-лит. «Нижегор. Печатн. Дело», 1912. С. 39–67.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.

Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С. О. Шмидта. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 195 с.

ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. VIII с., 579 стлб.

ПСРЛ. Т. 6: Софийские летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. 358 с.

ПСРЛ. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1859. VIII, 301 с.

ПСРЛ. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. СПБ.: Типография М. А. Александрова, 1911. VII, 568 с.

ПСРЛ. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 414 с.

ПСРЛ. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 264 с.

ПСРЛ. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.

ПСРЛ. Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Рагозин В. И. Волга. Т. 2: От Оки до Камы. СПб.: Типография К. К. Ретгера, 1881.

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1952. 676 с.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, ввод. ст. и ред. В. И. Буганова. М.: Наука, 1966. 613 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2 / сост. Н. Г. Савич. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1977. С. 189–405.

Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост., авт. ввод. ст., примеч., указ. О. Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997. 408 с.

Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 2: 1533–1560 гг. СПб.: Типография Ф. Елеонского, 1877. 700 с.

Свечников С. К. Присоединение Марийского края к Русскому государству: монография. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 268 с.

Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках / перевел с рукописей В. А. Любич-Романович. СПб.: В типографии Штаба военно-учебных заведений, 1843. 101 с.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XIV: Казанская губерния по сведениям 1859 года. СПб., 1866. LXXIX, 237 с.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XXV: Нижегородская губерния по сведениям 1859 года. СПб., 1863. XXXIII, 186 с.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 384 с.

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). Москва: Изд-во МГУ, 1982. 245 с.

Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 122 с.

Хожение купца Федота Котова в Персию / публ. Н.А. Кузнецовой. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 111 с.

Черных С Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 626 с.

Чернышев Е. И. Народы Среднего Поволжья в XVI – начале XX века: избранные труды. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 548 с.

Чеченков П. В. Военная служба на Казанском рубеже в середине XVI в. // Марийский археографический вестник. 2013. № 23. С. 7–20.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Вып. 5: Юринский кантон. Краснококшайск: Издание У.М.С. Маробоно, 1927. 119 с.

Kappeler A. Ruβlands erste Nationalitäten: Das Zarenreih und Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln; Wien: Böhlau, 1982. 571 s.